

хиатрия и психопатология, в том числе судебная, вводят в научный оборот описание клинических и криминальных случаев — патологических казусов, анамнезов, «исповедей», «досье». Таким образом этим формам дискурсивных практик открывалась дорога в литературу либо через беллетризацию, либо через включение в текст на правах «человеческого документа» — подлинного свидетельства о человеческой жизни, что предполагало использование «сырого», необработанного материала: писем, дневников, записных книжек, автобиографических признаний — прототипа психоаналитических «досье». Подробно реконструируя историю понятия, возникшего в эпоху натурализма, декларативно ориентированного на методы экспериментальной медицины Клода Бернара, современный исследователь обращает внимание на связь понятия «человеческий документ» с семантикой «болезни», его ассоциации с «больной душой», что было особенно актуально в контексте «представлений об эпохе „упадка“ и „разложения“».³²

«Психопат», «неврастеник», «мономан», «вырожденец», «декадент» создают эпохальные конфигурации «Иного» — эмблемы того, что культура отвергает, отесняет в маргинальное пространство и в то же время стремится переосмыслить и принять. Ставкой в противостоянии между теорией вырождения (дегенерации) — доминирующим биолого-медикалистским дискурсом эпохи *fin de siècle*, и свойственными уже новой фазе модернизма антипозитивистскими воззрениями на природу творческого воображения и свободу личностного самовыражения будет «оправдание» невротического (психопатического) субъекта, моделирование его ментального горизонта, речевого поведения и в итоге — конституирование как культурного персонажа.

³² Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 66, 67 (Slavica Helsingiensia; 42). Автор обращает также внимание на контекст употребления слова «психопатка» в 1880-е годы (прим. 155 на с. 63).

DOI: 10/31860/0131-6095-2022-3-49-62

© И. А. КРАВЧУК

Д. И. ХАРМС ПРОТИВ И. И. МЕЧНИКОВА: ОБ ОДНОЙ ПАРОДИЙНОЙ «ТЕОРИИ ПИТАНИЯ»*

Предметом нашего рассмотрения станет небольшая цитата из повести Д. И. Хармса «Старуха» (1939), довольно хорошо известная не только исследователям, но и широкой читательской аудитории. Речь идет о сцене, в которой герой-рассказчик заходит к своему приятелю Сакердону Михайловичу с бутылкой водки, сардельками и хлебом. Хозяин предлагает поставить кастрюлю с сардельками на плиту, а пока сардельки варятся, закусывать водку вареным мясом из супа: «Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб — это только солома, которая гниет в наших желудках».¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Хармс Д. И. Старуха // Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: [В 4 т.]. СПб., 1997. Т. 2. С. 172.

Мотивировка этой фразы либо вовсе оставляется без внимания, либо комментируется достаточно скупо. В. Н. Сажин в примечаниях к Полному собранию сочинений ограничивается тем, что констатирует «некоторую трансформацию реальности», типичную для Хармса: «И. И. Мечников действительно писал об опасных процессах гниения в желудке человека, но при этом был настолько энергичным противником алкоголя, что даже употребление кефира не рекомендовал из-за наличия в нем некоторого процента алкоголя».² На комментарий Сажина ссылается Ю. Хейнонен, посвятивший «Старухе» специальный труд.³ Более сложную интерпретацию этого фрагмента обнаруживаем в работах А. А. Кобринского. Он обратил внимание на то, как часто в тексте упоминаются хлеб и другие зерновые продукты (водка, хлебный квас, пиво). Каждое из таких упоминаний наделено конкретной повествовательной функцией, встроено в хорошо организованную систему скрытых питат и мотивов, имеет мифопоэтические, религиозные, эротические коннотации.⁴ Подход Кобринского близок к подходу А. Стоун-Нахимовской, характеризовавшей мир повести как «исключительно упорядоченный, отличающийся педантично выстроенной сетью взаимосвязей».⁵ Как и Кобринский, исследовательница не обходит стороной сексуальный подтекст упоминания водки, полагая *распитие водки* прозрачным эвфемизмом в разговоре главного героя с незнакомой барышней.⁶

Приведенные интерпретации, однако, не позволяют понять, зачем Хармсу в этой сцене могло понадобиться имя великого биолога, лауреата Нобелевской премии по медицине и физиологии, внесшего неопределимый вклад в иммунологию. Попытаемся в этом разобраться. Необходимое методологическое предупреждение: на наш взгляд, анализируемый фрагмент — не цитата и не аллюзия на какой-либо текст или группу текстов. Мы исходим из предположения, что пародийной или иронической деконструкции в повести Хармса подвергается популярный образ выдающегося ученого, его персональный миф, сформированный множеством автобиографических, мемуарных, публицистических, художественных и научно-популярных текстов. Мечников также олицетворяет собой определенную философию, характерную для естественных наук и новейших медицинских веяний конца XIX — первой половины XX века. Следовательно, наша задача — проследить эволюционную траекторию и основные идеологические коннотации этого образа, отбирая те контексты и художественные произведения, которые не мог не заметить Хармс.

В 1920–1930-е годы убежденный материалист и сторонник научного прогресса Мечников, наряду с Сеченовым, Климентом Тимирязевым, Павловым, был взят в союзники советской модернизационной идеологии. Во второй половине жизни он много занимался проблемой старения живых организмов, в первую очередь человека. В одной из своих самых известных и переиздаваемых книг «Этюды оптимизма» (1907) Мечников популярно объяснял читателю причины и механизмы возрастных изменений. На первый план выдвигались инфекционные и клеточные процессы. Мечников неизменно старался показать первоисточник смертельных болезней в разру-

² Сажин В. Н. Примечания // Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 462. Комментарий Сажина не вполне точен. Мечников отдавал должное некоторым полезным свойствам кефира, но полагал его малопригодным для ежедневного употребления в течение всей жизни человека (см.: Мечников И. И. Этюды оптимизма. 4-е изд. М., 1917. С. 161–163, 167).

³ Хейнонен Ю. *Это и то* в повести *Старуха* Даниила Хармса. Helsinki, 2003. С. 107–108.

⁴ См.: Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб., 2013. С. 282–285.

⁵ Stone Nakhimovskiy A. S. Laughter in the void: An introduction to the writings of Daniil Kharmis and Alexander Vvedenskii. Wien, 1982. P. 92 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb 5).

⁶ Ibid. P. 100–101.

шительной активности микробов. Мечниковская программа ортобиоза (букв. «правильной жизни») включала в себя предохранение человека от вредных гнилостных бактерий и достройку, «воспитание» организма при помощи полезных, благородных бактериальных культур. Ученый и сам педантично следовал своей программе. В дневниках великий биолог с удовлетворением признавал, что прожил свои зрелые годы «ортобиотически» и смог «порядочно побороть кишечное гниение».⁷

Что же касается алкоголя, продукта спиртового брожения, то он, наравне с никотином и свинцом, уверенно относился Мечниковым к категории *ядов*. Так что утверждение Сакердона Михайловича — пародийная инверсия мечниковских рекомендаций. Чем же вызвана эта трансформация?

В 1928 году в СССР вышел перевод научно-популярной книги Поля Генри де Крюи (де Крайфа, de Kruif) «Охотники за микробами» («Microbe Hunters», 1926). Сочинение де Крюи, который был не только талантливым рассказчиком, но и практикующим микробиологом, вызвало необычайный интерес юного советского читателя. Книга в переводе И. П. Червонского и с предисловием Л. А. Зильбера (видный советский микробиолог, старший брат В. А. Каверина) выдержала множество переизданий.⁸ Не лишним будет прибавить к этому, что де Крюи был не только одаренным популяризатором современных научных знаний, но и публицистом левого толка, а кроме того, был научным консультантом и фактическим соавтором романа о молодом враче и исследователе «Эрроусмит» (1925) Синклера Льюиса. Отдельная глава «Охотников» была посвящена Мечникову — его жизни, характеру, его открытиям и их научному значению. Де Крюи рисует русского ученого яркими красками: это фанатик науки, эксцентрик, не раз портивший себе ученую карьеру, одним словом, «неуравновешенный тип из романа Достоевского».⁹ С сочувственной иронией американский автор описывает *modus vivendi* своего героя: «Двадцать с лишним лет Мечников жил, строго следуя предписаниям своей новой теории. Он не употреблял алкогольных напитков и не курил; никогда не позволял себе никаких излишеств, часто показывал себя лучшим докторам того времени. Хлеб ему всегда приносили в особых стерилизованных бумажных пакетах, предохранявших его от загрязнения „дикими“ бактериями. За эти годы он выпил невероятное количество кислого молока и проглотил сотни миллиардов благодетельных болгарских палочек».¹⁰ В записных книжках Хармса сочинение де Крюи не упоминается, но сложно предположить, что сотрудник «Детгиза» никогда о ней не слышал. Вполне возможно, что именно процитированный выше фрагмент из «Охотников за микробами» стал источником пародийной инверсии, вложенной в уста Сакердона Михайловича.

Упомянем и другую яркую параллель к сцене из «Старухи» — конечно, речь о монтере Мечникове из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927).¹¹ Образ измученного нарзаном завгидропресса очевидно пародиен как по отношению к реноме уже покойного Мечникова, так и по отношению к его идеям. Ю. К. Щеглов обращал внимание на частое упоминание простокваши и кефира «по Мечникову» в воспоминаниях и автобиографических

⁷ Цит. по: Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л., 1926. С. 187.

⁸ Детская литература. 1935. № 12. С. 46. Наиболее полно восприятие творчества де Крюи в СССР, по-видимому, отражает статья: Югов А. Охотники за микробами // Там же. 1936. № 21. С. 11–17.

⁹ Крайф П. де. Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1957. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Обратим внимание на характеристику, которую дает знаменитому писательскому тандему критик Е. С. Добин: «В своих сатирических новеллах И. Ильф и Евг. Петров — типичнейшие охотники за микробами. Их занимает человеческая мелкота» (Добин Е. Охотники за микробами — Ильф и Петров // Звезда. 1938. № 12. С. 249).

повествованиях о предреволюционных и раннесоветских годах. Так, о популярности мечниковской пропаганды как одной из примет времени писали В. Катаев, В. Каверин, В. Вейдле и другие авторы.¹²

Интересен и еще один литературный контекст, в котором возникает фамилия Мечникова. Несколько лет назад на него указала Т. М. Вахитова, подготовившая научную публикацию трех стенограмм открытых обсуждений повести М. М. Зощенко «Возвращенная молодость». Новаторское произведение о борьбе человека за физическое и творческое долголетие было впервые напечатано в журнале «Звезда» в 1933 году, в конце того же года было издано отдельной книгой. В марте–апреле 1934 года на разных академических и литературных площадках Ленинграда прошли публичные дискуссии, посвященные произведению и затронутым в нем проблемам. 6 апреля 1934 года в «Литературной газете» вышла специальная статья Н. А. Семашко «Можно ли вернуть молодость». Как отмечает Вахитова, «можно сказать, что литературная жизнь в Ленинграде весной 1934 г. (во время подготовки I Съезда советских писателей) проходила в размышлениях по поводу „формулы молодости“ и „секретов ее сохранения“». ¹³ Факт знакомства Хармса с повестью Зощенко, кажется, не требует специальных доказательств, но мы располагаем и непосредственным упоминанием этого текста, причем в письме Хармса К. В. Пугачевой 1933 года: «Дорогая Клавдия Васильевна, теперь я понял: Вы надо мной издеваетесь. Как могу я поверить, что Вы две ночи подряд не спали, а все находились вместе с Яхонтовым и Маргулисом! Мало этого, Вы остроумно и точно намекаете мне II-ой частью „Возвращенной молодости“ на мое второстепенное значение в Вашей жизни, а словами „Возвращенная молодость“ Вы хотите сказать, что мою де молодость не вернешь и что вообще я слишком много о себе воображаю». ¹⁴ Весь текст письма помечен ернической припиской: «Яронея», т. е. ирония. Тон хармсовского письма шуточный, но интерес Хармса к проблематике зощенковской повести мог быть и вполне серьезным.

В «Возвращенной молодости» Зощенко устами своего рассказчика совершает дерзкий выпад в сторону Мечникова: «Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели получше следить за мелкими естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не позволяя микробам без толку скопляться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким гриппом, как говорится, „дал дуба“, оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кислому молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни». ¹⁵

¹² Щелов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009. С. 275.

¹³ Вахитова Т. М. Три стенограммы обсуждения повести М. Зощенко «Возвращенная молодость» (1934 г.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 830.

¹⁴ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 85.

¹⁵ Зощенко М. М. Возвращенная молодость // Зощенко М. М. Собр. соч.: [В 7 т.] / Сост., и прим. И. Н. Сухих. М., 2008. Т. 5. Голубая книга. С. 19. На этот же фрагмент указывает в своей работе Кит А. Ливерс, опознавая «мечниковский подтекст» в произведениях А. Платонова, М. Булгакова и Ю. Олеши (см.: *Livers K. A. Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s*. Lanham, Md., 2009. P. 63–64, 87, 118–120, 147).

13 апреля 1934 года очередная дискуссия, посвященная книге Зоценко, прошла на заседании Областного Ленинградского научно-практического института охраны здоровья детей и подростков. Председателем заседания был известный детский психиатр профессор А. С. Грибоедов (1875–1944). Он и обратил внимание на смерть от простокваши в повести. Это подтолкнуло профессора к неожиданной интерпретации: «Я не знаю, о ком тут идет речь, здесь говорится, конечно, об Илье Мечникове. Это — крупный ученый, наш соотечественник, занявший место в Париже в Пастеровском институте. Это был глубокий психастеник, который жил с ранних лет под влиянием навязчивой мысли о смерти. Страх заболевания, страх смерти преследует всю жизнь этого ученого, это положило на него печать, вследствие чего он ввел строжайший режим в свою жизнь, не то чтобы это был режим, но он все делал для сохранения своего здоровья. <...> И вот в структуре своих научных изысканий и в своем знаменитом этюде о человеческой жизни он пришел к выводу, что наиболее длительная жизнь, т. е. наибольшее количество 120-летних старух и стариков, наблюдается в Болгарии. Анализируя это явление, он объяснил его тем, что болгары употребляют ягурту — сладкую простоквашу, выделил лактобациллу, образовал лактобациллин и объяснил это явление так, что лактобациллин уничтожает процесс интоксикации в кишечнике и в результате этого дает человеку продолжительную жизнь.

Он стал есть эту простоквашу, освободился от своего страха и последние 15 лет своей жизни жил спокойно, изжив в этой идее свое болезненное состояние.

До известной степени сам Михаил Михайлович [Зоценко] напоминает мне Мечникова. Он ведь в своих комментариях пишет, что он болел психастенией, что он обращался к ряду врачей и что он нашел секрет возвращения молодости, который, я надеюсь, даст ему такие же положительные результаты, которые простокваша дала Мечникову». ¹⁶

Это сравнение было подхвачено в 1935 году в журнале «Литературный критик» молодым критиком А. А. Бескиной «Лицо и маска Михаила Зоценко», которая считала, что «наука вошла в „Возвращенную молодость“ как боковая, подчиненная тема». ¹⁷ Иными словами, научно-популярный дискурс — очередная нарративная маска, используемая Зоценко. Средствами диагностики *медицинской* осуществляется диагностика *социальная*, классовая. Недостатком такого подхода, по мнению Бескиной, становится то, что он как будто застывает на полпути между сатирическим приемом и сознательной мировоззренческой установкой. Главный герой оказывается слишком ничтожным, а ироническая дистанция формируется отчасти вопреки авторскому замыслу. «Помните, как великий русский ученый Илья Мечников искал оптимизм и нашел... простоквашу? Он тоже хотел использовать медицину для разрешения больших социальных проблем. Он написал книгу „Этюды оптимизма“, которую он назвал „Трактатом о человеческой природе и о средствах изменить ее, с целью достижения наибольшего счастья“. Он написал эту книгу после разгрома Народной воли, он призывал отказаться от политической борьбы <...> Мечников предлагает оружие политической борьбы

¹⁶ Стенографический отчет № 2 обсуждения книги «Возвращенная молодость» М. Зоценко в Институте охраны здоровья детей и подростков от 13 апр. 1934 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 876–877. Уже после смерти Зоценко сопоставление его личности с личностью Мечникова встречаем в записных книжках В. Т. Шаламова (см.: Шаламов В. Т. Записные книжки 1954–1979 // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 5. С. 355–356).

¹⁷ Бескина А. А. Лицо и маска Михаила Зоценко // Мих. Зоценко. Pro et contra: Антология. СПб., 2015. С. 586.

заменить массовым употреблением простокваши, ибо простокваша — путь к оздоровлению и молодости».¹⁸

Конечно, сам Зоценко был далек от борьбы за счастье и бессмертие при помощи простокваши. По мнению В. Ю. Вьюгина, ближе всего Зоценко была теория психоневрозов П. Ш. Дюбуа и психофизиологическое учение И. П. Павлова.¹⁹ Метод оздоровления, открытый для себя писателем, заключался в преодолении психоэмоциональной раздвоенности, в обуздании собственных аффектов при помощи разума и воли.²⁰ Идеалами Зоценко становятся Сенека, Кант, Гете, Пастер. В авторских примечаниях к «Возвращенной молодости» с восхищением переданы слова Гете о могуществе духа, способного отдалять от тела смерть, а также история о том, как автор «Фауста» усилием воли предотвратил развитие инфекции в пораненном пальце. Антипатия к теориям Мечникова, подменяющим, как казалось Зоценко, *волю диеты*, на этом фоне выглядит логично.

В примечаниях к одной из публикаций «Старухи» А. А. Александров привел первоначальное имя и отчество Сакердона Михайловича — Николай Макарович.²¹ Это очевидное указание на чинаря и обэриута Николая Макаровича Олейникова (1898–1937). Стилистика, темы и мотивы творчества Олейникова и Зоценко неоднократно сопоставлялись.²² Однако нас будет интересовать лишь определенный аспект, объединяющий двух авторов. В работах, посвященных «Старухе», связь образа Сакердона Михайловича с фигурой Олейникова, как правило, либо вовсе остается без интерпретации, либо получает биографическую и мифопоэтическую трактовку.²³ Упоминание Мечникова и теории питания позволяет соотнести поэтику «Старухи» с «научным» контекстом олейниковской поэтики. Л. Я. Гинзбург в одной из своих работ пишет о любимой Олейниковым маске доморощенного натурфилософа: «Здесь травестируется исследовательское мышление — абсурд в оболочке научных формулировок».²⁴

В ряду «научных» мотивов олейниковской поэзии мотиву питания, диеты, обмена веществ отведено значительное место. При этом обыгрываются два базовых и взаимосвязанных аспекта питания: как биохимического процесса и как повседневной привычки. Приведем несколько примеров:

¹⁸ Там же. С. 593.

¹⁹ См.: Вьюгин В. Ю. Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы. СПб., 2014. С. 317.

²⁰ Ср. также важные мемуарные свидетельства К. И. Чуковского: *Чуковский К. И.* Из воспоминаний // Вспоминая Михаила Зоценко. Л., 1990. С. 74–76.

²¹ [Александров А. А.]. Примечания // Хармс Д. И. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988. С. 531.

²² См., например: Лосев Л. В. Ухмылка Олейникова // Олейников Н. М. Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982. С. 10; *Fay L. E. Shostakovich: A Life*. New York, 2000. P. 56; *Кротова Д. В.* Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З. Н. Гиппиус, А. С. Грин, М. М. Зоценко): Учеб. пособие. М.; Берлин, 2021. С. 130–131.

²³ См.: Айзлвуд Р. Хармс и Друскин: к постановке вопроса // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. II. № 3. С. 154, 155; *Кобринский А. А.* «Старуха» Д. Хармса — финальный центон // Кобринский А. А. О Хармсе и не только: Статьи о русской литературе XX века. СПб., 2013. С. 92–93, 98, 116–117; *Юрьев О. А.* Буратино русской поэзии: Сергей Нельдихен в Стране Дураков // Новый мир. 2013. № 9. С. 172–173; *Фомичев С. А.* Повесть Даниила Хармса «Старуха»: «петербургский миф» в обэриутской интерпретации // Все страхи мира: Ноггог в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 142.

²⁴ *Гинзбург Л. Я.* Николай Олейников // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 490. См. также: *Наринс Дж. В.* Поэт и наука. Н. М. Олейников // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 245–266; *Лекманов О., Свердлов М.* Жизнь и стихи Николая Олейникова // Олейников Н. М. Число неизреченного. М., 2016. С. 205–206.

Красавица, прошу тебя, говядины не ешь.
Она в желудке пробивает брешь.
Она в кишках кладет свои печати.
Ее поевши, будешь ты пицати.

Другое дело кролики. По калорийности они
Напоминают солнечные дни.²⁵

«Диетические» темы получают подробную разработку в стихотворениях «Фруктовое питание» (1932) и «На выздоровление Генриха» (1932). Возвращаясь к тексту «Старухи», заметим, что в нем, как и в поэзии Олейникова, мотивы питания, аппетита, пищеварения соседствуют с темой взаимоотношений мужчины и женщины, полового влечения. Выразительные примеры подобного сочетания мотивов можно обнаружить в таких стихотворениях Олейникова, как «Чревоугодие (Баллада)» (1932), «Послание (На заболевание раком желудка)» (1932). Метафорическое уподобление тела продуктам питания, а сексуального поведения — манипуляциям с этими продуктами находим в стихотворениях «Быль, случившаяся с автором в ЦЧО (Стихотворение, бичующее разврат)» (1932)²⁶ и «Лиде» (1933).²⁷ Тема здорового питания и пищеварения затрагивалась Олейниковым не только в стихотворениях. В изданиях «Детгиза» Олейников нередко выступал с научно-популярными текстами, посвященными самым разным предметам, включая здоровье и физиологию. Так, в сборнике «Советские ребята» в 1926 году был опубликован текст Олейникова «НОЖ пионера». Аббревиатура «НОЖ» расшифровывалась как «научная организация жизни». Под этим подразумевалась перестройка повседневных привычек в соответствии с требованиями современной науки о человеке. Защищался тезис «Мы ничего не умеем делать». К примеру, доказывал Олейников, человек не умеет есть: «Желудок что машина. Он свое дело знает. А вот человек обращаться с ним не умеет. Если, скажем, в печку класть большие нераздробленные куски угля, то печка перестанет работать. То же и с желудком. Нужно каждый раз хорошо прожевывать пищу так, чтобы вся она была мелко-мелко размолота, чтобы желудок работал, как надо».²⁸ Лаконичность и назидательность этого фрагмента роднят его с рассуждением Сакердона Михайловича о пользе водки и процессах гниения хлеба в организме.

Увлеченность проблемами здорового питания и гармоничной физической жизни, по-видимому, отличала Олейникова не только в его стихах и журнальных текстах для детей. По крайней мере, она была свойственна его публичному поведению, самопрезентации в кругу чинарей-обэриутов. В «Разговорах» Л. С. Липавского встречаем такую запись: «Н. М. (Олейников. — И. К.) скромно пил чай, развивая перед хозяевами свои любимые теории питания. <...> Н. М.: „У Н. А. (Заболоцкого. — И. К.) непременно должны быть глисты в кишках. Этим и объясняю прекрасный цвет его лица“. — Н. М. говорил

²⁵ Олейников Н. М. Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса // Олейников Н. М. Число неизреченного. С. 252 (опубл. 1932).

²⁶ Лирический герой уподобляет свое тело после соития разрезанному арбузу (см.: Там же. С. 256–257).

²⁷ «И когда я в ручке Вашей вижу ножик или вилку, / У меня мурашки пробегают по затылку. <...> Если же в гостиной Вашей, разливая чай, / Лида, Вы мне улыбнетесь невзначай, — / Тогда я в порыве страсти и смущения / Покрываю поцелуями печенье, / И, дрожа от радости, я кричу Вам сам не свой: / — Ура, виват, Лидочка, Ваше превосходительство мой!» (Там же. С. 263).

²⁸ Олейников Н. М. НОЖ пионера // Советские ребята: Сб. для детей. М.; Л., 1926. № 1. С. 44.

серьезно».²⁹ В другом месте упоминается некая желудочная теория, изобретенная, по словам Липавского, Олейниковым.³⁰ Можно предположить, что теория эта как-то связана с лечебным голоданием. Из тех же «Разговоров» видно, что Олейников был горячим приверженцем этой практики, полагая, что она позволяет организму избавляться от болезнетворных *гнилостных* бактерий (и здесь снова можно вспомнить слова Сакердона Михайловича о соломе, которая *гниет* внутри человека):

«Н. М.: <...> голодание благотельно: оно сжигает те остатки пищи, которые постоянно находятся в кишках, покрывая их изнутри толстым слоем, и гниют. Голодание освобождает от них.

Д. Х.: Но перед началом голодания непременно надо поставить клизму. Это мне говорили и в тюрьме опытные люди. Иначе голодание опасно и вредно.

Л. Д.: Значит, те явления, которые обычно наблюдают у голодающих, не обязательны?

Н. М.: Да, это отравление ядами кишечника. Люди умирают от горячки. Еще до этого они начинают вонять».³¹

Такие высказывания достаточно характерны для чинарского круга. Импровизированные диспуты чинарей на ученые темы неизменно отмечены чертами автопародии, логической игры. Значимым для коллективной идентификации чинарей был принцип дилетантизма, емко выраженный Хармсом: «Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество перед настоящими учеными; но нет необходимого — знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых».³² Научный дилетантизм для Хармса — антипод застывшим формам специализированного научного знания.³³ Критика науки у Хармса иногда приобретает декларативные, эпатажные формы:

открыв наук зеленый том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.
науки втянут нас в беду
возьмемтесь лучше за еду.³⁴

Здесь можно вернуться к фигуре и учению Мечникова. Факт близкого знакомства Мечникова с Львом Толстым хорошо известен благодаря повести «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886). Прототипом главного героя стал родной брат Нобелевского лауреата — тульский прокурор Иван Ильич Мечников, скончавшийся в 1881 году.³⁵ 30 мая 1909 года супруги Мечниковы посе-

²⁹ Липавский Л. С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 2000. Т. 1. Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин. С. 182.

³⁰ См.: Там же. С. 179.

³¹ Там же. С. 249. Д. Д. — Д. Д. Михайлов, Л. Д. — по-видимому, Л. С. Липавский, Д. Х. — Д. И. Хармс.

³² Там же. С. 233.

³³ См. об этом: Кукулин И. В. Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // Русская литература. 2005. № 4. С. 80; Йовович Т. Симулирование науки у Хармса // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. С. 219–229.

³⁴ Хармс Д. И. Открыв наук зеленый том... // Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 249 (опубл. 1933).

³⁵ Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1936. Т. 26. С. 680–681.

тели Льва Толстого.³⁶ Визит был задокументирован корреспондентом газеты «Русское слово» С. Спиро. Отзыв Толстого о Мечникове для «Русского слова» был весьма благожелательным.³⁷ В письмах Толстого и воспоминаниях, оставленных людьми из его ближнего круга, видим иную картину. Согласно мемуарам А. Б. Гольденвейзера, Толстой считал Мечникова гениальным специалистом, но при этом весьма ограниченной натурой: «Он — милый, простой человек, но как бывает у людей слабость — другой выпивает — так и он со своей наукой».³⁸ С этим же разговором Гольденвейзер увязывал рождение одного из толстовских изречений: «Есть люди, пересчитавшие семь тысяч видов мух, а трудно встретить таких, кто мог бы изложить сущность хотя бы самых важнейших религиозных учений мира».³⁹ В дневнике Толстого читаем запись от 1 марта 1903 года: «Читал статью Мечникова опять о том же: что если вырезать прямую кишку, то люди не будут более думать о смысле жизни, будут так же глупы, как сам Мечников. Нет, без шуток. Мысль его в том, что наука улучшает организм человека, освобождает его от страданий, и тогда можно будет найти смысл — назначение жизни. Наука откроет его. Ну а как же до этого жить всем? Ведь и жили уже миллиарды с прямой кишкой. А что как, по вашей же науке, солнце остынет, мир кончится до полного усовершенствования человеческого организма? К чему же бы[ло] огород городить».⁴⁰

Мечниковская концепция долголетия строилась на том, что эволюция среды значительно опережает эволюцию человеческого организма. В результате организм накопил довольно много рудиментарных функций, рефлексов и даже органов, которые не только утратили назначение, но и стали рассадником инфекций и раковых клеток, резервуаром для болезнетворных бактерий и ядов. Вредные последствия этой дисгармонии усиливаются нерациональным поведением людей, культивирующих противоестественные привычки. Как результат, человек болеет намного чаще, а живет гораздо хуже, чем должен; большинство людей стареет до срока и далеко не реализует потенциал своего организма. Нужно привести человеческое тело в соответствие с его объективными потребностями и возможностями, устранить дисгармонию человека и среды. Интеллектуальные и физические способности человека возрастают неравномерно, и столь же неравномерно приходят в упадок: «Если бы человек рождался с такой же более высокой степенью развития, как новорожденная морская свинка, он, вероятно, гораздо лучше понимал бы рост своего познания реального мира».⁴¹

В своих наиболее известных трудах — «Этюды о природе человека» (1903) и «Этюды оптимизма» (1907) — Мечников пишет, что, помимо инстинкта жизни, живым существам, по-видимому, свойствен и инстинкт смерти, ясно указывающий человеку, что его биологический и духовный потенциал близок к окончательному исчерпанию. Дисгармония человеческой жизни приводит к тому, что люди молодые часто утрачивают интерес и волю к жизни; старики же чаще всего ценят жизнь и умирать совсем не торопятся, даже несмотря на многочисленные недуги и утрату умственных способностей. Мечников объясняет этот феномен тем, что у молодых людей еще недостаточно сформирован инстинкт самосохранения, они в определенном смысле еще «не умеют» жить. Стариковская же жажда жизни связана с тем,

³⁶ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.; Л., 1936. С. 743.

³⁷ См.: Спиро С. Толстой о И. И. Мечникове // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1987. С. 362.

³⁸ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Л., 1959. С. 348.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Дневник // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 157.

⁴¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. 7-е изд. М., [1935]. С. 59.

что физические и интеллектуальные ресурсы пожилого человека заканчиваются раньше, чем развивается инстинкт смерти. Цель науки, практической медицины, материалистической философии, по Мечникову, в том, чтобы избавить человека от подобных противоречий.

Одним из самых известных предложений Мечникова по улучшению, «редактированию» человеческого организма стало предложение избавляться от «лишних» внутренних органов. Именно эту гипотезу Мечникова бичует в своем дневнике Толстой. Мечников полагал, что большая часть желудочно-кишечного тракта человека не имеет практического значения в настоящее время. Речь идет о «бесполезном наследии, завещанном нам животными предками».⁴² Слепая и толстая кишка представляли эволюционную ценность для травоядных, позволяя им долго не опорожнять кишечник и передвигаться на значительные расстояния в поисках новых пастбищ или укрытия от хищников. В организме человека толстая и слепая кишка лишь без толку задерживают продукты пищеварения. Плачевным итогом становятся предрасположенность многих людей к хроническим запорам, размножение гнилостных бактерий, развитие раковых опухолей. Мечников утверждал: полное удаление части кишечника не причинит человеку никакого вреда. Даже желудок не является необходимым органом — для полноценного и здорового пищеварения совершенно хватает тонкого кишечника и поджелудочной железы. Мечников осторожно предполагал, что в недалеком будущем профилактическое удаление желудка и части кишечника станет такой же рутинной операцией, как удаление зубов мудрости или аппендикса. Ровно на тех же принципах основаны и наставления Мечникова по кисломолочной диете, мода на которую была впоследствии высмеяна некоторыми авторами. Кисломолочные продукты — неинвазивная альтернатива хирургическому вмешательству в деле защиты человека от патогенов. При этом ученый подчеркивал: суть его предложений не в волшебном средстве избежать рака при помощи йогурта или заблаговременной резекции, а в перестройке быта и мышления человека. «В то время как, с одной стороны, толстые кишки, служащие приютом вредным микробам, становятся источником отравления изнутри, с другой — извращенный инстинкт человека заставляет его отравлять себя спиртом, эфиром, опиумом и морфием, вводимыми извне. Громадная и столь пагубная роль алкоголизма представляет нам самый наглядный и постоянный пример дисгармонии между инстинктом при выборе пищи и инстинктом самосохранения.

Итак, пищеварительный аппарат является одним из наилучших доказательств несовершенства и дисгармонии в нашей природе».⁴³ За подобными утверждениями ясно видна основополагающая мечниковская идея: эволюция вида *homo sapiens* еще не окончена. Горячим сторонником этой мысли оказался В. В. Вересаев в «Записках врача» (1900), где цитируются сочинения Мечникова и популярно излагаются его выводы: «Человек застигнут настоящим временем в определенной стадии своей эволюции, с массой всевозможных недостатков, недоразвитий и пережитков; он как бы выхвачен из лаборатории природы в самый разгар процесса своей формировки недодетанным и незавершенным».⁴⁴

Старость — одна из центральных тем мечниковских сочинений. Ученый уделяет много внимания психологии и антропологии старости: самосознанию глубоких стариков и отношению к старикам в разных культурах. Особо вы-

⁴² Там же. С. 52.

⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴ Вересаев В. В. Записки врача // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 372; см. также с. 374.

деляются случаи страха перед старостью и пожилыми людьми, стремление вычеркнуть их из жизни социума: «Старость почти всегда отличается отсутствием красоты и чем-то отталкивающим и даже страшным. Маленькие дети выражают явный испуг при виде очень старых людей; поэтому их часто пугают стариками.

Всем известно, как распространено убийство стариков у первобытных народов. Туземцы Фиджи закапывают живыми своих старцев под тем предлогом, что они стали вполне бесполезными. <...> Австралийцы уважают пожилых людей, пока они деятельны, но как только старики становятся беспомощными, их покидают. Часто их убивают и поедают, что соответствует туземным религиозным понятиям.

По исследованиям *Гримма*, древние германцы „убивали стариков и больных и часто закапывали их живыми“. Современные цивилизованные народы, несомненно, далеко ушли вперед, они более не убивают стариков; они терпят их, предоставляя им, правда, право самоубийства. <...> А между тем, несмотря на эти свойства старости, делающие ее ужасной, бесполезной и в лучшем случае только терпимой, несмотря на физическую и умственную слабость стариков, инстинкт жизни сохраняется у них во всей силе. <...> В *Сальпетриэре* глубокие старухи очень многочисленны. На семидесятилетних смотрят там почти как на молодых. Главное желание девяностолетних и более старых женщин заключается в том, чтобы дожить до 100 лет. Желание жить — всеобщее». ⁴⁵

Сложно не заметить, насколько сравнительные наблюдения Мечникова напоминают те прозаические фрагменты Хармса, в которых с наибольшей резкостью и доходящим до гротеска натурализмом выражено фирменное отвращение автора к старикам. Дети и старики, согласно Ж.-Ф. Жаккару и А. А. Кобринскому, вызывали у Хармса отвращение как те, кто находится на границе бытия и небытия. ⁴⁶ Мечников намекает нам на другую возможность интерпретировать детство и старость: оба состояния дисгармоничны по своей сути. Это могло быть интересно Хармсу, поскольку исходило из представления о некоем *порядке* бытия и о *нарушении*, искажении этого порядка в ребенке и старике. ⁴⁷ Нам думается, общие истоки подобных суждений о старости и стариках могут составить тему дальнейших исследований.

Идеалом цельности, осознанности, гармонической жизни для самого Мечникова становится Иоганн Вольфганг Гете. Свои мнения о великом поэте Мечников излагал и Толстому. ⁴⁸ По Мечникову, гетевский жизненный путь — путь страстной, противоречивой природы, снедаемой жаждой любви и признания, природы, которая, познавая себя, изучая собственные страсти и воплощая их в творческих замыслах, постепенно приходит от разрушения и пессимизма к созиданию, полноте жизненного чувства, естественности и оптимизму. Биография Гете, таким образом, мыслится Мечниковым как бы завершенной конструкцией, организованной меж двух полюсов: Вертера и Фауста. В этих, вероятно, наиболее знаменитых гетевских героях Мечников видит два духовных лика их создателя. В то же время хаотическое и гармоническое начала в натуре Гете организуют структуру уже самой драмы о Фаусте: «Вопреки часто выражаемому мнению, будто обе части „Фауста“

⁴⁵ Мечников И. И. Этюды о природе человека. С. 100–101.

⁴⁶ См.: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 384–386; Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. С. 292.

⁴⁷ См., например, в стихотворении середины 1930-х годов «Мне стариков медлительный рассказ противен...» (*Хармс Д. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 266). Сопоставление проблематики стихотворения с проблематикой «Смерти Ивана Ильича» см.: Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998. С. 77–80.

⁴⁸ См.: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. С. 271, 279.

составляют два совершенно независимых произведения, они, наоборот, только пополняют одна другую.

В первой части молодой пессимист, полный страсти и требовательности, готов на самоубийство и ни перед чем не останавливается для удовлетворения своей жажды любви.

Во второй части зрелый и старый человек продолжает любить женщин, хотя и иным образом; он умудрен опытом и стал оптимистом; удовлетворив стремления личной жизни, он посвящает остаток дней своих на благо человеческое; достигнув столетнего возраста, он умирает с чувством высшего блаженства, и даже почти можно сказать, что он обнаруживает при этом инстинкт естественной смерти». ⁴⁹

К этим наблюдениям Мечников прибавлял доказательства никогда не ослабевавшего в Гете интереса к женщинам. ⁵⁰ В конечном счете талант может быть отнесен к вторичным половым признакам. Мечников не останавливался на примере Гете, но и прибавлял примеры Ибсена и Вагнера. Что же касается Хармса, то, при всем его сложном отношении к Толстому, он бы, вероятно, согласился с классиком в том, что мечниковские рассказы о влюбчивости пожилого Гете — *мерзость*. Конечно, Гете, нарисованный Мечниковым, не мог быть близок Хармсу, а больше напоминал нелюбимых им *благоразумных пожилых*. ⁵¹

Мечниковская трактовка личности Гете особенно дисгармонирует с личным отношением Хармса к немецкому классику. Как указывает И. В. Кукулин, Хармс не просто высоко ценил автора «Фауста», но и во многом сопоставлял и даже отождествлял себя с ним. В «Разговорах» Л. Липавского есть известная реплика Хармса: «Я выпил свой чай. Налейте, пожалуйста, чаю бывшему Гете». ⁵² В определенный период жизни Гете стал для Хармса синонимом гениальности вообще. Кукулин подчеркивает, что ориентация на Гете была скорее нетипична для чинарско-обэриутского круга. Прочитируем Введенского: «В людях нашего времени должна быть естественная непримиримость. Они чужды всем представлениям, принятым прежде. Знакомясь даже с лучшими произведениями прошлого, они остаются холодными: пусть это хорошо, но малоинтересно. Не таков Д. Х. Ему действительно может нравиться Гете». ⁵³

На ироничное отношение к Гете со стороны другого обэриута — Олейникова — указывает начало стихотворного послания Хармса:

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник
О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, лишь Бунин твой Кумир. ⁵⁴

Вместе с тем нельзя сказать, что фигура Гете была совершенно чужда чинарям и обэриутам. Липавский именно на примере Гете и Наполеона рассуждал об «особой живучести, производительности или работоспособности», о «силе хватки, ощущении жизни и неутомности», отличающей гениев. ⁵⁵ Одновременно гений Гете — это гений обычности, скромного сознания своих сил, бескорыстного труда, ⁵⁶ счастливая комбинация энергии, цельности,

⁴⁹ Мечников И. И. Этюды оптимизма. С. 258.

⁵⁰ Там же. С. 237.

⁵¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. С. 279; Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 88.

⁵² Липавский Л. С. Разговоры. С. 205.

⁵³ Там же. С. 189.

⁵⁴ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 269.

⁵⁵ Липавский Л. С. Разговоры. С. 211.

⁵⁶ См.: Там же. С. 217.

ясности и самообладания. Пожалуй, здесь можно сблизить позиции Липавского и Мечникова, с той существенной разницей, что для Мечникова творческое долголетие Гете остается частным случаем гетевского ортобизоза; Липавскому интересен гетевский гений как таковой.

Нельзя не признать правоту Кукулина и в том, что фигура Гете влекла к себе Хармса как фигура ученого-дилетанта, свободного от академических условностей, начетничества, плоского рационализма. Выше мы уже касались этой темы в связи с хармсовской же характеристикой чинарско-обэриутского круга как «общества малограмотных ученых». Ученый может быть малограмотен не только в силу слабой профессиональной подготовки, но и в силу сознательного отказа от готовых рамок специализации, умения на какое-то время проигнорировать аксиоматику предмета, оказаться вновь в позиции не знающего и задавать вопросы. Гете известен не только как поэт и мыслитель, но и как оригинальный естествоиспытатель. «Гете умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно слушал, что говорила природа. И поэтому он вобрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие», — заключал Липавский.⁵⁷

Попытка Мечникова поместить жизнь, характер и эстетику Гете в рамки теории «нормального жизненного цикла», ортобизоза, конечно, едва ли могла читаться Хармсом иначе, нежели попытка старой позитивистской учености приспособить немецкого гения к собственным догмам и предписаниям.

Мечников «имел неосторожность» затронуть не одного, а сразу двух авторов, занимавших видное место в личном пантеоне Хармса. И если на Гете ученый предъявлял определенные права, то с крупнейшим европейским философом первой трети XX века Анри Бергсоном вел непримиримую борьбу. Хотя собственные теории Мечникова далеко не всегда находили полное понимание у советских философов и популяризаторов науки, последовательное отрицание Мечниковым идеализма и метафизики встречало самую горячую поддержку. В 1925 году в Москве был переиздан сборник статей ученого «Сорок лет искания рационального мировоззрения». «...со всеми своими „срывами“ в сферы отвлеченного морализирования и экскурсиями в области метафизики (правда, и то и другое — для страстной полемики с Л. Толстым и А. Бергсоном) Мечников остается для нас чистейшим материалистом — со всеми наслоениями своей предреволюционной эпохи, со всеми естественными, т. е. поддающимися объяснению, уклонениями, подчас режущими глаз современного читателя», — заключал рецензент «Красной нови».⁵⁸

Не будем останавливаться на том, какое серьезное влияние оказала на Хармса философия самого Бергсона, ограничимся перечислением ряда работ по этой теме.⁵⁹ Факт этого влияния не подлежит сомнению. В глазах же

⁵⁷ Липавский Л. С. Разговоры. С. 218. Ср. также: Иванов Вяч. И. Гете на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 143.

⁵⁸ Бронштейн О. И. [Рец. на:] И. И. Мечников. Сорок лет искания рационального мировоззрения. Госиздат. Москва 1925 г. Стр. 280 // Красная новь. 1925. № 6. С. 309. См. также: Кривоцов Ст. От редакции // Мечников И. И. Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1925. С. 4; Тимирязев К. А. Мечников — борец за научное мировоззрение // Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей. 1904–1919 гг. М., 1963. С. 295–301.

⁵⁹ См., например: Шенкман Я. Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 64–80; Ямпольский М. Беспамятство как исток. С. 166–171; Fink H. L. Bergson and Russian Modernism, 1900–1930. Evanston, Ill., 1999. P. 89–100; Рог Е. Ю. 1) Комическое в прозе Д. Хармса и концепция смеха А. Бергсона // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2004. Кн. 2. Литература, язык, культура: Материалы науч. конф. С. 101–107; 2) Д. Хармс и концепция смеха А. Бергсона. <https://proza.ru/2015/05/21/1049>; дата обращения: 21.03.2022; Токарев Д. В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса. Дис. ... доктора филол.

Мечникова философия Бергсона — квинтэссенция антинаучного духа, растлившего умы европейской молодежи в начале XX столетия. Разочарование в возможностях науки, интуитивизм, культ индивидуальной воли в противовес научному мировоззрению — наиболее опасные интеллектуальные тенденции, сформированные, по мысли Мечникова, антипозитивистскими учениями.⁶⁰ Популярность таких воззрений — следствие даже не разочарования в научных методах как таковых, но разочарования в способности науки избавить человека от извечного страха смерти.⁶¹ В кризисе, постигшем своих современников, исследователь видел еще один род дисгармонии, еще одно следствие незавершенности эволюционного процесса, неполной взаимной адаптации сознания, тела и среды. Грубо говоря, метафизика виделась Мечникову такой же ненормальностью, таким же вредным излишеством, как и толстая кишка: «...вопрос Бергсона „что мы делаем в этом мире“ лучше бы формулировать так: „что должны мы делать в этом мире?“ Наш ответ <...>: мы должны всеми силами содействовать тому, чтобы люди, и мы в том числе, провели весь круговорот жизни в гармоническом сочетании чувства и разума, вплоть до наступления в глубокой старости чувства пресыщения жизнью».⁶²

Сам Бергсон, надо сказать, не оставил работы Мечникова без внимания и отозвался о них без особого пиетета. В трактате «Творческая эволюция» (1907) французский философ касается проблемы физического старения и ее осмысления естественными науками. Перечисляя различные теории старения, включая мечниковскую,⁶³ Бергсон настаивает: академическое естествознание поверхностно понимает феномен старости. Развитие жизни наука делит на искусственно выделенные формы, тогда как оно отнюдь не начинается зародышем и не заканчивается со смертью конкретной особи.⁶⁴ Более адекватным реальности Бергсон считал представление о непрерывности материи, о бесконечной эволюции форм, направляемой творческим порывом, где любая конкретная форма есть лишь моментальный снимок этого бесконечного жизненного потока. Вот почему Мечников имел основания не просто защищать научную мысль от обвинений в механицизме, но и принять эту часть аргументации Бергсона на свой счет.

Как видим, Мечников покушался на многое из того, что составляло для Хармса основы его мировоззрения. Воспринял ли Хармс укол Бергсона в адрес Мечникова? Учитывал ли выпады Мечникова по отношению к Бергсону или остался равнодушен к ним? Мы не имеем окончательного ответа, однако мечниковская теория творчества Гете вряд ли могла пройти мимо Хармса, по меньшей мере благодаря знакомству с творчеством Толстого. Вот почему упоминание Мечникова в повести «Старуха» представляется отнюдь не случайным: перед нами попытка вторжения в мир хармсовского повествования чуждой этому повествованию позитивистской логики либо попытка самого повествующего «я» эвакуироваться из повествования (или то и другое одновременно). Парадоксальное искажение научного мышления Сакердоном Михайловичем обозначает крах этой попытки.

наук. СПб., 2006. С. 64–65, 73–74, 104–105, 329; Кобринский А. А. Даниил Хармс. М., 2009. С. 402–404; *Tyszkowska-Kasprzak E.* Творчество Даниила Хармса и философия Анри Бергсона // *Polilog. Studia Neofilologiczne.* 2012. № 2. S. 117–129.

⁶⁰ Ср. интерпретацию философии Мечникова в: *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001. С. 682–686.

⁶¹ См.: *Мечников И. И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1925. С. 10–11.

⁶² Там же. С. 14.

⁶³ См.: *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 31–32.

⁶⁴ Там же. С. 32.